

18+



Аромат ландыша

Мария Чекоданова

Мария Чекоданова

Аромат ландыша

«Издательские решения»

Чекоданова М.

Аромат ландыша / М. Чекоданова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-592923-5

В семье уездного доктора Бориса Бенедиктовича Алмазинского все идет своим чередом. Практика, красавица жена, дети. Что может изменить это спокойное и размеренное течение жизни и устоит ли семейная лодка в круговороте событий? Читайте в новом романе Марии Чекодановой.

ISBN 978-5-00-592923-5

© Чекоданова М.
© Издательские решения

Содержание

I	6
II	8
III	10
IV	12
V	13
VI	15
VII	17
VIII	19
IX	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Аромат ландыша

Мария Александровна Чекоданова

Андрей Александрович Топунов *Дизайнер обложки*

Денис Андреевич Топунов *Редактор*

© Мария Александровна Чекоданова, 2022

© Андрей Александрович Топунов, дизайн обложки, 2022

ISBN 978-5-0059-2923-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

Аглаида Афанасьевна Алмазинская сидела в глубокой уютной беседке своего собственного слегка заросшего, но всё же очень милого цветущего сада. Стояла чудесная пора самого начала лета, когда ночи совсем короткие и светлые, солнце греет уже очень ярко, но ещё не обжигает зноем, мысли полны мечтаний, и всё вокруг пахнет сиренью, сливовыми и яблоневыми цветами.

Аглаида Афанасьевна была в самой поре расцвета своей красоты и здоровья. У неё было четверо малолетних детей, но не смотря на это, талия её была очень тонкой, а черты лица свежими и изящными. Красота её не была схожа с холодной красотой античных статуй, но также и не была яркой и чувственной. В ней было нежное и горделивое осознание своего целомудренного, сдержанного и деликатного обаяния. Это проявлялось в спокойном и сосредоточенном взгляде больших карих глаз, окружённых пышным бархатным веером тёмных ресниц, в изящном изгибе бровей, в мимолётно скользящей улыбке и во всём лице, светлом и открытым, со слабым, словно фарфоровым румянцем. Ходила она всегда быстро и легко, как будто летела, но иногда замирала, задумывалась и прямо на своём стремительном ходу могла остановиться, захваченная целиком какой-то неотступной мыслью. Одевалась она довольно скромно, но с весомой долей изысканности. Свои роскошные, слегка выющиеся волосы она укладывала всегда сама, каждый раз немного иначе и с большим вкусом. Всё это вместе создавало очень целостный и совершенный образ.

Когда-то давно она превосходно играла на рояле и даже аккомпанировала сама себе при исполнении романсов, но после замужества садилась музицировать всё реже, а потом и вовсе всё это забросила.

Муж её, Борис Бенедиктович Алмазинский, служил доктором в городском госпитале. Летом он почти каждый вечер возвращался после службы домой на дачу к своей обожаемой семье. Женаты они были уже тринадцать лет, и в отношениях их установилась уже незыблемое и надёжное взаимопонимание.

Аглаида Афанасьевна невыразимо скучала в отсутствии супруга, но понимала и разделяла с ним всю важность и значимость его благородной работы. Она была чрезвычайно умной, начитанной, интересной и творческой барыней, хорошей женой и нежной матерью. Дети она занималась мало, больше доверяла строгой мудрой няне, вынянчившей ещё её мужа, но разговаривала с ними по душам много и охотно, а по воскресеньям долго читала им вслух старинные книги в бархатных переплётах.

Недавно няня уезжала на несколько дней на богомолье в дальний монастырь, у мужа было несколько запланированных сложных операций, он не мог вырваться на дачу, кухарка слегла в тяжёлой болезни, и Аглаида Афанасьевна осталась совершенно одна, без всякой помощи и даже доброго совета. За помощью к соседям обратиться она не решилась, а так как она сама нужна была всем и сразу, то пришлось ей, отложив в сторону романы и наряды, взяться за ведение дома, лечение болящей и воспитание наследников всерьёз и основательно. Но всё когда-нибудь проходит, прошло и это. Мужа отпустили из госпиталя на пару дней, няня вернулась, кухарка выздоровела, дети, благодаря всем предупредительным мерам, были здоровы и счастливы.

Сегодняшнее свежее утро Аглаида Афанасьевна собиралась провести в абсолютной тишине и спокойствии. Борис Бенедиктович с самого раннего утра увёз всех радостно хохочущих детей кататься на лодках, ловить рыбу и купаться на чистых прозрачных озёрах. Кухарка готовила обед к их возвращению, няня молилась в своей комнате, а Аглаида Афанасьевна, задумчиво помешивая серебряной ложкой свой остывающий кофе в фарфоровой чашке, смот-

рела прозрачным взглядом на вольно опустившуюся на перила беседки тонкую зелёную ветку берёзы.

Прошедшая неделя была полна сложных, но важных и дорогих ей хлопот, ощущение собственной значимости буквально переполняло Аглаиду Афанасьевну, а сейчас она вновь погрузилась во внезапно начавшее раздражать её состояние разнеженной барыни. Ей хотелось трудиться, помогать людям, но она понимала, что стала слабой и ленивой. Благоприятные обстоятельства жизни располагали её лишь только к мечтательности и нарочитой праздности.

Напряжённо нахмутив изящно изогнутые брови, она отложила ложку и быстро допила кофе.

– Аглаида Афанасьевна, к Вам гости. Мятниковские. И господин с ними ещё. Мне незнакомый.

Аглаида Афанасьевна вздрогнула от чуть надтреснутого голоса неожиданно появившейся няни, слегка нервно дернула рукой и нечаянно смахнула на пол блюдце, стоявшее у самого края стола.

II

Елена Андреевна Мятниковская была институтской подругой Аглаиды Афанасьевны. Они нежно сдружились в интеллектуальных трудах, потом после блестящего окончания учебы обе скоро сделали удачную партию в замужестве и разъехались по разным местам. Аглаида Афанасьевна с семейством большую часть года жила за городом, на даче, а Елена Андреевна с мужем остались в столице и летом почти всё время уезжали за границу. Две душевные подруги часто переписывались, но сегодняшняя неожиданная встреча была первой после долгой разлуки.

Аглаида Афанасьевна быстро приподнялась со скамьи, готовясь немедленно заключить дорогую подругу в крепкие объятия, но вдруг остановилась, а затем даже резко отпрянула в сторону.

В беседку стремительно зашёл тот самый неизвестный господин, о котором говорила няня. Его большие тёмно-серые глаза небрежно скользнули по плетям дикого винограда, оплетавшим ажурные ставни беседки, и остановились на недоуменно молчавшей хозяйке. И в тот же миг взгляд его потеплел, в нём загорелось благоговейное восхищение. Быстро сняв одной рукой шляпу, вторую прижав к груди, он смиренно склонился в поклоне.

– Простите моё вторжение, Аглаида Афанасьевна. Я столько слышал о Вас от сестры, что почитаю Вас уже хорошо знакомой мне особой. Сестра моя с мужем задержались с детьми возле Вашего чудесного цветника, а я скорее поспешил засвидетельствовать Вам своё почтение, – бархатным низким голосом, чуть торопясь, начал он.

Аглаида Афанасьевна стояла также молча, опустив глаза, но чувствуя на своих заалевших щеках внимательный взгляд незнакомца. Она ощутила какое-то внезапное бессилие и смутное беспокойство, словно вдруг ей стало трудно дышать.

– Простите, – вдруг опомнился он. – Я не представился. Павел Андреевич Исполатов, брат Елены Андреевны. Батюшка наш духовного звания, а я вот в юристы отправился. Служу в адвокатской конторе в столице. Сейчас в отпуске и с семейством сестры путешествуем. Решили вот и к Вам заглянуть.

Аглаида Афанасьевна справилась наконец со внезапно и безотчетно охватившим её волнением, подняла глаза, обезоруживающе улыбнулась скромной приличествующей случаю улыбкой, и подала гостю руку для приветствия.

– Мне очень приятно видеть Вас. Елена писала о Вас иногда. Вы ведь, кажется, её младший брат?

– Да, всего парой лет младше.

– Ну надо же. А в её письмах Вы были представлены совсем юным мальчуганом, – с тихим смехом заключила Аглаида Афанасьевна.

– После смерти матери Елена заменила мне её и до сих пор считает меня несмышленным младенцем. Хотя я уже совершенно самостоятелен, она по-прежнему заботливо опекает меня наравне с собственными детьми, – спокойно парировал Павел Андреевич.

– Поль, ну где же ты запропастился? – раздался звонкий нетерпеливый голос, а вслед за ним появилась и его обладательница. Казалось, что всю беседку заполнили искры серебряного смеха, туго сдерживаемые шпильками золотисто-рыжие кудри, множество белоснежных рюш и воланов.

– Ах, Аглаюшка!

– Елена, ангел мой!

Звуки поцелуев и теплые объятия двух дорогих подруг породили вдруг внезапные радостные слёзы у обеих.

– И не чаяла уже увидеть тебя. Как вы попали в наши края?

Елена, чуть отстранившись и поправляя слегка примятые в объятиях оборки, начала быстро рассказывать, перебивая саму себя счастливым смехом.

– Представляешь, я давно дала обет побывать в монастыре всей семьёй в благодарность за чудесное исцеление от болезни нашего младшего. И тут такая радость, у Поля тоже случился отпуск после удачно завершённого дела и мы, конечно же, уговорили его ехать с нами. А там повстречали вашу няню Василису и первым же поездом после окончательного исполнения обета решили навестить вас. Тут такой воздух! Его пить можно. Я обязательно уговорю моего дорогого Вольдемара всенепременно нанять здесь дачу. Поль, ты тоже остаёшься с нами. В столице совершенно сейчас нечего делать. Душно и грязно.

Павел Андреевич развёл руками и с насмешливой улыбкой посмотрел на Аглаиду Афанасьевну.

В тот же вечер вернувшийся Борис Бенедиктович с мужем Елены, профессором высшей математики столичного университета Владимиром Александровичем Мятниковским, нашли милейшую дачу с превосходной мебелировкой недалеко от Алмазинских.

– Вам невероятно повезло, – деловито заключил Борис Бенедиктович, – в начале лета снять приличную дачу просто невозможно.

– Это всё Поль. Когда он с нами, то нам всегда везёт. Я уже и не удивляюсь, – сказала Елена Андреевна и посмотрела на маленькие дамские часики, висевшие у неё на длинной витой цепочке, – Как поздно уже. Доброй ночи вам, до скорой встречи.

Аглаида Афанасьевна долго не могла уснуть в ту ночь. Расплетя узел тяжёлых каштановых волос, в тонком пеньюаре она села возле открытого окна и смотрела на дымчато-серое небо, пока не замёрзла от ночной прохлады. Накинув на плечи узорчатую шаль, она подошла к иконам и долго молилась, но тяжёлое ощущение, что смысл молитвы вдруг неуловимо начал ускользать от неё, преследовало её до самого окончания правила. Дневное беспокойство, томление и волнение с новой силой охватили её. Не найдя никакой понятной причины своего тревожного состояния, Аглаида Афанасьевна глубоко вздохнула, плотно закрыла окно, задернула глухую штору, а затем, выпив холодной воды и умывшись, быстро легла и уснула.

Ей снился Павел Андреевич в образе гигантского черного паука, потом Владимир Александрович, заставляющий её решать логарифмические уравнения, какая-то погоня и даже пожар. Сон был вязкий, мучительный, не принеший наутро совершенно никакого отдохновения.

III

Прошло несколько дней. Мятниковские несколько раз бывали в гостях у Алмазинских. Дети их сдружились окончательно, так что всё время слышались в саду их шумные игры и смех, а также строгие покрикивания няни Василисы Ильиничны. У Мятниковских было двое очаровательных и шаловливых мальчуганов, Анатолий и Василий, одноклассники Николаю и Денису Алмазинским. Как и положено мальчикам, они всё время что-то выдумывали и постоянно приглашали в свои приключения взрослых. Владимир Александрович отзывался охотно на все их сумасбродства и всегда поддерживал любые авантюры. Борис Бенедиктович, напротив, стремился сдержать их порывистость и усаживал за шахматы или просил их читать друг другу, а потом старался организовать обсуждение прочитанного. Мальчики охотно и с почтением поддерживали предложения о проведении свободного времени и одного, и другого отца семейства, но их неугомонная четвёрка с гораздо большим восхищением относилась к идеям Владимира Александровича.

Исполатов приходил к Алмазинским всего один раз, пробыл совсем недолго, но успел уже довольно жарко поспорить с Борисом Бенедиктовичем о существующей системе судопроизводства. Аглаида Афанасьевна слушала их спор и тревожилась.

После того странного сна Аглаида Афанасьевна начала томиться дурными предчувствиями. Всё было как раньше: муж заботлив, дети подвижны и шаловливы, общение с подругой и воспоминания недавней юности услаждали и должны были радовать. Погода установилась мягкая, душистая, с живыми горячими солнечными лучами, с розовыми мгновенными восходами и чистым воздушным безоблачным небом. Но с каждым днём в мыслях становилось всё мрачнее, непринуждённая идиллия тяготила и раздражала. Аглаида Афанасьевна начала усерднее молиться, но бывшее успокоение не наступало, на сердце змейёй вползала тоска.

Борис Бенедиктович вновь был в городе на службе в госпитале, Владимир Александрович тоже ездил иногда в город готовить студентов и принимать у них экзамены. Елена Андреевна, живая как ртуть, вся кипящая энергией, на следующий день по приезде отправила его собирать вещи на городскую квартиру, а также за няней, встретила сама извозчиков после того и с помощью Павла Андреевича быстро разобрала всё необходимое и навела очаровательный уют в их прекрасной даче с большим садом. Аглаида Афанасьевна с Борисом Бенедиктовичем были званы к ним на дачное новоселье и на игру в крокет.

В последний момент, когда Аглаида Афанасьевна стояла возле зеркала уже полностью одетая и завязывала ленты на своей соломенной шляпке, пришёл посыльный с запиской от её мужа.

«Душа моя, любимейшая моя Аглаюшка, вынужден огорчить тебя своей занятостью. Тяжёлый больной после операции требует моего неустанного внимания. Вернусь, как только увижу улучшение в его самочувствии.

Владимиру и Елене, прошу тебя, принеси мои глубочайшие извинения.

Целую нежно твои добрые руки. Искренне твой, Борис.»

Аглаида Афанасьевна медленно прочла записку, потом перечитала её ещё несколько раз, а затем разорвав, бросила на туалетный столик. Лицо её исказила судорога, чувствуя, что негодование переполняет её, она глубоко вдохнула, выдохнула и быстро натянула новые кружевные перчатки.

«Это дурной знак, дурной, дурной...», билось в её голове, пока она целовала детей, давала последние наказы няне и решительно шагала по узкой тропинке на дачу Мятниковских. Отсутствие супруга давало ей возможность под благовидным предлогом остаться дома, но Аглаида Афанасьевна ощущала, что словно неведомая злая сила толкала её в спину. Слегка задыхаясь от быстрого шага, придерживая одной рукой подол пышного муслинового платья, а другой

поворачивая над собой белый кружевной зонтик от солнца, Аглаида Афанасьевна остановилась в нерешительности возле чугунной калитки.

– Аглаида Афанасьевна, а где же Борис Бенедиктович и дети? – Павел Андреевич уже спешил к ней из глубины сада.

Аглаида Афанасьевна почувствовала вдруг, что вся кровь отхлынула от лица и до рези в глазах стало душно. «Господи, дай мне сил! Что же со мной творится?», – мучительно воскликнула она про себя.

– Вы побледнели? Вам нехорошо? Держитесь за меня, – Павел Андреевич успел подхватить её под руку.

Аглаиду Афанасьевну словно обожгло огнём от его прикосновения. «Беги отсюда! Береги себя!» – набатным колоколом звенело в ушах.

За считанные секунды она овладела собой настолько, что смогла, улыбнувшись и выпрямившись, мягким жестом отстранить его руку.

– Павел Андреевич, благодарю Вас за заботу. Мне правда вдруг стало нехорошо, но это верно от духоты и зноя. Видимо будет гроза. Сейчас я в полном здравии. Я пришла сказать, что Борис Бенедиктович остался в госпитале, и мне следует вернуться домой.

Павел Андреевич отпустил её и, скрестив свои руки на груди, смотрел на неё не мигая.

– Елена и Владимир расстроятся. Оставайтесь, пожалуйста. И я тоже буду огорчён, – медленно сказал он.

Аглаида Афанасьевна задумчиво, но отрицательно покачала головой.

– Не сегодня. Простите нас.

– Я провожу Вас.

– Не стоит. Я дойду сама. Здесь совсем близко.

Теперь она шла неторопливо, стараясь успокоить дыхание и привести в порядок чувства. Дома она была сама не своя, бросалась целовать детей, взялась играть с ними в куклы и солдатики, но потом всё оставила и с грустной усмешкой смотрела на то, что они устали и плачут. Василиса Ильинична увела их спать.

Поздним вечером, почти ночью, неожиданным сюрпризом вернулся её супруг.

– Большой оказался очень сильным, состоянии его стабильное и не требует моего неотступного наблюдения. Я оставил его под присмотром моего главного помощника и всё-таки смог вернуться к вам.

Аглаида Афанасьевна сидела на диване и не веря своему счастью, крепко держала мужа за руку.

– Как же хорошо, что ты вернулся! Боренька, я не оставалась у Мятниковских и вообще не хочу к ним ходить более.

– Что так, драгоценная моя Аглая?

– Павел Андреевич... Не нравится он мне что-то, – Аглаида Афанасьевна чувствовала, что голос дрожит, но ничего уже не могла поделать.

– Неужели волочится за тобой? Хочешь, я вызову его на дуэль? – раскатисто засмеялся Борис Бенедиктович. Он не заметил её смущения, дрожащего голоса и даже, кажется, в этот момент не смотрел на неё.

И смех его и слова прозвучали зловеще во внезапно ярком перекрестном свете молний. Гром протяжно, раскалённым, кипящим от молний молотом качнул дом, медленно бубнящий дождь обрушился тяжёлой, всепоглощающей лавиной на сжавшуюся перед ударом землю. Плотная завеса словно ремнём перетянула непроницаемо мрачное небо. Воздух холодный и тревожный полоснул лезвием обжигающе резких струй дождя.

IV

Ранним утром после ослепительной громокипящей грозы Аглаида Афанасьевна вышла в сад и проводила супруга на службу. Все домашние ещё спали. Вчерашние страхи, смущения нескольких последних дней, мимолётное дурное самочувствие – всё это казалось ей сегодня глупым кошмаром.

Все краски, звуки, запахи и ощущения летнего утра были словно отмытыми до блеска и доведенными до совершенства. Небо – будто целая вселенная, щедро напоенная прозрачными акварельными красками цвета бесконечности.

Аглаида Афанасьевна прошла по тенистым дорожкам сада, глубоко вдохнула полной грудью свежий сочный воздух и, остановившись перед яблоней, отогнула у неё маленькую цветущую веточку. Чуть напряжённо закинув руки за голову, она воткнула цветы в изысканно скрученную на затылке косу. Когда Аглаида Афанасьевна, справившись с прической, подняла голову, то неожиданно вскрикнула и даже прижала руку к бешено колотящемуся сердцу.

– Это Вы! Как же Вы меня напугали! Ну разве можно так бесшумно и внезапно появляться?

Перед ней, в почтительном отдалении, со слегка смущенной улыбкой, стоял Исполатов.

– Виноват перед Вами, Аглаида Афанасьевна! Прошу покорнейше, простите меня оказанного! Я пришел справиться о Вашем здоровье и вернуть зонтик, который Вы вчера уронили у наших ворот. Простите, он вымок под дождём. Я заметил его только сегодня утром.

Сдержанно поблагодарив, Аглаида Афанасьевна взяла протянутый ей зонтик и, изящно приподняв брови, с немым вопросом посмотрела вновь на Исполатова. Тот задумчиво и не скрываясь смотрел на неё.

Она была невероятно хороша в простом чайном платье с тонким шелковым шарфом на плечах.

– Аглаида Афанасьевна, как Ваше здоровье? Вы вчера были так бледны.

– Я уже говорила вчера и ещё повторюсь, что всё благополучно. Вчерашняя слабость моя была связана с сильной духотой, – как можно более холодно, но чувствуя, как предательским румянцем разгорается лицо, ответила она. – Простите меня, что встревожила Вас, но мне уже пора идти распорядиться насчёт завтрака.

– И Вы простите меня, что задерживаю Вас, но только один вопрос. Почему Вы боитесь меня? Я хочу быть Вам если не другом, как моя сестра, то хотя бы хорошим знакомым.

Аглаида Афанасьевна, уже поворотившись в сторону дома, вспыхнула вся до корней волос и почувствовала как сильно задрожали у неё губы. «Боже мой, это не может так дальше продолжаться. Я веду себя просто неприлично, как какая-то влюблённая девица. Такого не было со мной никогда!»

Исполатов не видел её лица и секундного замешательства на нём, так что усилием воли изобразив самую беззаботную улыбку, Аглаида Афанасьевна быстро повернулась к нему.

– Павел Андреевич, ну о чём Вы? Я Вас совершенно не боюсь. Духота всему виной была.

– Чудесно! Тогда надо продолжать общаться семьями. Крокет, рыбалка, музыкальные и литературные вечера, театр, чайные церемонии. Какие у вас здесь ещё есть развлечения?

Аглаида Афанасьевна не успела и слова произнести в ответ, как в самом углу сада вдруг раздался совершенно невообразимый грохот, шум борьбы, грязная брань, сильный треск ломаемых деревьев и кустов. Казалось, там происходила самая настоящая битва не на жизнь, а на смерть. Аглаида Афанасьевна с испуганно округлившимися глазами молча схватилась за плечо Исполатова.

– Нужно вызвать полицию, – спокойно сказал он. – Не бойтесь ничего, пожалуйста.

V

Молниеносно прибывшая полиция растащила в разные стороны трёх отчаянно дерущихся людей. Ими оказались хозяин местной хлебной лавки Мукомолов, бродяга, заросший седой бородой, и ещё неизвестный человек с измученным лицом.

Исполатов подошёл к последнему незнакомцу, одетому в сильно изношенную, но ещё довольно щегольскую одежду и внимательно оглядев его со всех сторон, сделал недовольное лицо.

– Франтов, что Вы тут делаете?

Франтов посмотрел на Исполатова с такой злобой и ненавистью, что стоявшей вдалеке и видевшей этот взгляд Аглаиде Афанасьевне стало откровенно страшно. Исполатов же не повёл даже бровью и продолжал наступать на него.

– Я повторяю свой вопрос: Что Вы тут делаете?

Франтов молчал, тяжёло дыша и трогая языком разбитые в кровь губы. Бродяга же пытался вырваться из рук державших его полицейских. И тут заговорили одновременно полицмейстер и Мукомолов.

Полицмейстер:

– Вы знаете этих людей, господин Исполатов?

Мукомолов:

– Я прошу прощения за вторжение и драку, но этот человек украл у меня два каравая хлеба, – указал он на так ничего и не сказавшего бродягу. Ладно бы он попросил даром. Я вижу, что он человек бедный. Но он выхватил хлеб прямо из корзины, приготовленной для отправки другим покупателям, и пустился наутёк. Господин Франтов как раз был в то время в моей лавке и бросился тоже вслед за вором. Мы догнали его уже когда он проник в Ваш сад, видимо собираясь здесь скрыться от преследования. Я прекрасно знаю Вашу дачу, – поклонился Мукомолов в сторону Аглаиды Афанасьевны, – и был крайне обеспокоен Вашей безопасностью. Я начал его увещевать вернуть хлеб и уйти из Вашего сада, но он не слушая меня принялся драться и весьма болезненно. Нам пришлось защищаться, – закончил он, прижимая ладонь к стремительно багровевшей щеке.

Полицмейстер, державший Франтова и внимательно слушавший Мукомолова, видимо ослабил хватку, так как Франтов рывком освободился и бросился теперь на Исполатова. Исполатов, словно ожидавший нападения, мгновенно поймал его занесенную для удара руку и слегка завел её в сторону и назад. Франтов рухнул на колени и зарыдал от бессилия и боли.

– Исполатов, ты меня погубил! Всю жизнь изломал! Ненавижу тебя!

У Аглаиды Афанасьевны наконец прорезался голос и на удивление, вместо того, чтобы упасть в обморок от вида этой безобразной сцены, она наоборот обрела ясность мыслей.

– Господа, что здесь происходит? Я требую немедленных разъяснений.

– Я так понимаю, что всем нам здесь требуются разъяснения. Боюсь, что немедленно получить их не удастся. Аглаида Афанасьевна, дабы не беспокоить Вас более, мы все проследуем в участок. Павел Андреевич, Вас я попрошу также следовать за нами, – вмешался второй полицейский.

Павел Андреевич коротко кивнул и подошёл затем к Аглаиде Афанасьевне.

– Я очень расстроен, что всё это произошло на Ваших глазах. Это просто ужасно. Как Вы?

– Кто этот человек? Почему он кричал, что Вы сломали ему жизнь? – твердо глядя ему в глаза, спросила Аглаида Афанасьевна.

– Павел Андреевич, мы ждём Вас! – поторопили его одновременно оба полицейских.

– Простите, мне нужно идти. Обещаю, что всё в подробностях расскажу Вам позже. Верьте мне, прошу Вас.

Аглаида Афанасьевна ничего не ответила и лишь скомкала рукой конец шелкового шарфа.

От шума и криков проснулись дети. Они выбежали из дома и с любопытством вертели головой в разные стороны. Даже всегда невозмутимая няня обеспокоенно выглядывала из растворенного окна.

Самая младшая – трёхлетняя Ольга – подбежала к матери и, обняв её за колени, спрятала лицо в складках её платья. Аглаида Афанасьевна осторожно разжала её маленькие ручки и опустившись перед ней, крепко обняла малышку, сладко пахнущую солнышком и молоком.

– Ты испугалась, милая?

– Нет. Я хочу булочку, а няня не разрешает. Говорит, что нужно прежде помолиться и съесть кашу.

– Няня права. Сейчас мы все вместе помолимся и позавтракаем, – с улыбкой сказала Аглаида Афанасьевна.

Девятилетний Коля, старший из мальчиков, хмурил брови совсем как отец. В руках у него были лук со стрелами, подаренные ему на недавние именины.

– А я не буду есть, я хочу стрелять из лука.

Аглаида Афанасьевна обняла и его. Тогда подбежали и остальные дети и быстро заключили мать и друг друга в объятия. Аглаида Афанасьевна в центре этого круга, стиснутая крепкими поцелуями, тёплыми ладонями, ворохом кудрей, бантиков и тёплого дыхания, не выдержала такого напора любви и с хохотом упала на траву.

Остаток дня она провела с детьми в играх и заботах, совершенно забыв об утренней весьма неприятной сцене.

Во время вечерней прогулки к ним зашли Мятниковские.

– Дорогая, это ужасно, это просто ужасно! Весь дачный поселок гудит, как растревоженный пчелиный улей. Расскажи, пожалуйста, скорее все подробности, – взволнованно говорила Елена Андреевна.

Аглаида Афанасьевна пожала плечами.

– Я думала, что Павел Андреевич вам всё рассказал. Я мало чего знаю.

– Он провёл пол дня в участке и потом сразу уехал в город.

Борис Бенедиктович радушно провел гостей в беседку.

– Да, неприятная история. Надеюсь, что скоро всё прояснится.

Аглаида Афанасьевна пошла распорядиться насчёт чая и привычно вздрогнула, увидев Исполатова возле сирени.

– Я обещал Вам всё рассказать. Так что спешу скорее исполнить своё обещание.

VI

Исполатов был крайне взволнован. Он то и дело запуская в волосы длинные и тонкие пальцы и долго ерошил их.

– Добрый вечер, мы ждали Вас, – как можно более спокойно и даже немного равнодушно начала было Аглаида Афанасьевна.

– Мы? – Исполатов словно вынырнул из тревоживших его дум и с неподдельным удивлением посмотрел на неё. Его глаза стали прозрачны, а слегка растрёпанные волосы придавали ему романтический вид.

– Ваша сестра с супругом и мой муж, Борис Бенедиктович, – терпеливо пояснила Аглаида Афанасьевна, стараясь с вниманием и усердием смотреть исключительно в сторону беседки.

– Да, действительно. Простите меня великодушно. Я сегодня сам не свой. Пойдёмте к ним.

– Поль, ну наконец-то. Рассказывай скорее. Мы все в нетерпении.

Павел Андреевич пожал мужчинам руки, сел в большое плетёное кресло, откинувшись на спинку, и, соединив перед собой пальцы в форме пирамиды, начал рассказ.

– Франтов Константин Александрович – мой давний знакомец. Отец его учился вместе с моим в духовной семинарии. Мы дружили в детстве, но потом наши пути разошлись, я поступил учиться в училище правоведения, а Константин в духовную семинарию, откуда был отчислен с соответствующей фамилией за неподобающий будущему духовному сословию внешний вид, любовь к роскоши, мотовству и множественные пропуски занятий.

Надо знать Константина. Его сильно отрезвило это отчисление. Он до последнего рассчитывал, что заступничество влиятельного отца убержёт его от изгнания.

Но отец, истощив все свои убеждения нерадивому сыну, буквально отрёкся от него. Так что Константин лишился не только возможности приобщиться духовному сану, но и крепкой поддержки своей семьи, что совершенно переломило его жизнь.

Он бросил своё безделье, перестал думать о роскоши, занялся книгами и молитвами, вспомнил про своё прекрасное знание иностранных языков, зарабатывал уроками и переводами. Спустя два года своего полного перерождения он подал документы и прошение о восстановлении в духовной семинарии. Специальная комиссия, внимательнейшим образом рассмотрев его персону, отзывы семей учеников и работодателей, приняв во внимание раскаяние и полное исправление, приняла решение восстановить его в правах студента.

Но здесь вмешался злой рок, не иначе. По столице прокатилась волна гнусных историй с подлогами и растратами с использованием фальшивого паспорта. Следовательно, ведший это дело, вышел на Франтова. Все пострадавшие безоговорочно опознали его. Для Константина это был конец всего, конец его мечтам, если не всей жизни. Родители его, смягчившиеся после его исправления, наняли ему адвоката. Им был я. Франтов очень обрадовался, увидев меня. Он полностью отрицал свою вину и надеялся, что я вытащу его из этой беды. Я принялся за работу с энтузиазмом, но потом скоро сник. Прямых свидетельств о работе Франтова и его участии во всех преступных делах было невероятно много. Речи о его освобождении и быть не могло. Я мог только добиться снижения срока заключения, что и сделал весьма успешно. Франтов был очень бледен на суде, не проронил ни слова, кроме последней фразы: «Я не виновен!», и не подал мне более руки.

После осуждения он лишился возможности учиться в семинарии, потерял вновь обретенное доверие и уважение своей семьи и полностью разочаровался в былом друге.

И вот, выйдя недавно из тюрьмы, Франтов совершенно случайно узнаёт о том, что было абсолютное и непоколебимое доказательство его невиновности. Он в гневе едет ко мне на квартиру, не найдя там меня и узнав, что я на даче, едет сюда. Здесь в хлебной лавке он становится

свидетельством воровства и, ослабев от голода, почти помутившись рассудком, наконец встречает меня.

Исполатов сжал голову руками, поморщившись как от сильной боли. А затем, схватив стакан, стал жадно пить воду.

– Да, и забыл сказать, что вора отпустили. Мукомолов смягчился, дело заводить не стали. Закончили на том, что он отдал этому бродяге каравай обратно и радушно приглашал заходить к нему в лавку.

– А Франтов как?! Что же, что же это было за доказательство? Не томи, Поль!

Аглаида Афанасьевна молча подалась вперёд, безотрывно глядя в посеревшее и словно бы осунувшееся от переживаний лицо Исполатова.

– Да, Павел Андреевич, сделайте милость, расскажите нам скорее, что это было, – в один голос сказали Борис Бенедиктович и Владимир Александрович.

VII

В беседе повисло молчание.

Исполатов, отставив стакан, вновь сжал голову руками. Борис Бенедиктович поднялся со скамьи и начал немного нервно прохаживаться. Владимир Александрович смотрел на Исполатова с усмешкой, как на студента, не знавшего ответ на элементарный вопрос. Елена Андреевна добавила себе чай из самовара и пила его маленькими глотками, кончиками пальцев левой руки крепко держа сахарный кренделёк.

На этот раз не выдержала Аглаида Афанасьевна. Волнения прошедшего дня вдруг нахлынули на неё с неожиданной силой.

– Павел Андреевич, ну что же Вы молчите! Это просто невыносимо. Бедный Константин Александрович! Сколько ему пришлось вынести! Можно ли ещё оправдать его? – она почувствовала, что голос не слушается её и почти срывается на крик.

Борис Бенедиктович быстро подошёл к ней и обняв за плечи, успокаивающе прижался губами к её затылку. Это импульсивное нежное движение супруга, которое всегда вызывало в ней ответную нежность и мгновенную кротость, вдруг разозлило её и вызвало желание сбросить его руки и крикнуть ещё громче. Испугавшись самой себя, она шумно вздохнула и затем медленно, благодарно положила свою слегка вздрагивающую ладонь на руку мужа.

Павел Андреевич при звуках её голоса словно избавился от оцепенения, отнял руки от головы, и обведя всех собравшихся печальным взглядом, сказал серьёзно и горько:

– Я совсем не предполагал этого обстоятельства. И главное, что это могло быть возможной версией, но я даже не подумал об этом, даже не заподозрил. Сегодня я подал прошение о пересмотре дела Франтова. Его долго не хотели принимать, но я поручился за положительный результат. Следствие начато повторно и до окончания следствия я не имею права открывать все детали. Всю предысторию я рассказал вам всем лишь потому, что должен был объяснить Аглаиде Афанасьевне эту ужасную сцену, случившуюся сегодня в саду.

Елена Андреевна покачала головой.

– Поль, ты прекрасный адвокат. Я уверена, что ты сможешь оправдать Константина, и у него будет ещё один шанс начать правильную жизнь.

– Если бы я только знал...

Елена Андреевна коснулась его плеча.

– Не казни себя. Ты сделал всё, что мог. Сейчас и у тебя тоже есть шанс, чтобы всё исправить.

Аглаида Афанасьевна поймала себя на мысли, что это она хочет положить руку Павлу Андреевичу на плечо и говорить ему различные ободряющие слова. Сжав кулак под покровом шелкового шарфа так, что ногти вонзились в ладонь до боли, она демонстративно отвернулась и меланхолично стала смотреть на пламенеющий, почти кровавый закат.

Он был похож на большого разноцветного тигра в огненную, оранжевую, дымчатую и бледно-розовую полоску. Тигр неторопливо и степенно махал хвостом, а откуда-то из тайного убежища следил за ним охотник-Ночь, раскидывая по темно-голубому небу яркие острые стрелы. В местах, где стрелы вспороли тонкий батистовый покров небесной высоты, вспухали и разливались пурпурные и алые потоки закатной крови. Тихо умирающие краски прошедшего дня бледнели и медленно стекали по растрескавшемуся небу к самому горизонту. Пульс живых дневных артерий слабел и тонул в звуках сверчковых колыбельных.

Борис Бенедиктович проводил гостей до калитки. Аглаида Афанасьевна даже не повернула головы в их сторону. У неё не оставалось никаких душевных сил ни на что.

Супруг вернулся и опять обнял её. Аглаида Афанасьевна почувствовала, что сейчас разрыдается, но вновь привычно сдержалась.

– Ты сегодня очень расстроено выглядишь. Это из-за этой печальной истории с Франтовым? Брось, Павел Андреевич всё устроит наилучшим образом.

Аглаида Афанасьевна посмотрела на мужа снизу вверх. Он стоял совсем близко, и она отражалась в его глазах. Она долго смотрела ему в его такие родные глаза, прежде чем начала говорить.

– Да, ты прав, Борис, я расстраиваюсь именно из-за этого.

И это была ложь. Первая ложь с момента их знакомства, сказанная так легко и непридуманно прямо в лицо бесконечно дорогому человеку.

VIII

Потянулись томительные летние дни. По рассказам Елены Андреевны Исполатов часто уезжал в город, много писал бумаг, искал, был неразговорчив, но собран и деловит. К Алмазинским он не показывался вот уже целую неделю.

Аглаида Афанасьевна то была весела, счастлива и занята множеством неотложных и важных дел, то погружалась в нервическое и раздражённое состояние, была всем недовольна или просто равнодушно сидела в беседке и делала вид, что читает книгу.

Борис Бенедиктович как обычно ездил в госпиталь, приезжал оттуда воодушевленный и много рассказывал о своей работе. Аглаида Афанасьевна раньше больше всего на свете любила слушать эти истории, старалась вникнуть и понять, чтобы поддержать с мужем разговор и разделить с ним дело его жизни. Сейчас же она почти не слушала его, хотя привычно делала заинтригованное лицо. Ей вдруг стало это неинтересно и немило. А он словно и не замечал ничего.

Она бы и рада была перемениться, но чувствовала, что никто из окружавших её не понимает и не чувствует этой смущавшей её внутренней бури. Ей хотелось, чтобы муж вместо привычных объятий просто сел с ней рядом и расспросил её хорошенько о том, что с ней происходит. А она не понимала, что с ней происходит, и это было вдвойне тошно и неприятно. Она думала об Исполатове, потом не думала о нём, хотела его видеть, потом испугавшись самой себя, бросалась молиться. Но молитва её была равнодушной, она безучастно повторяла слова, которые вдруг почему-то совершенно перестали что-либо значить для неё. Сердце её как будто каменело, мысли путались и расплзались.

Дети, чувствуя беспокойное состояние матери, почти не тревожили её, жались к отцу, много играли с ним и охотно слушались няню.

В конце недели, к вечеру субботы Аглаида Афанасьевна собралась в храм. Она не была там очень давно. Ей чувствовалось, что это единственное, что может сейчас исцелить и вразумить её. Она очень хотела поехать с мужем, но Борис Бенедиктович опять внепланово остался на дежурстве в госпитале. И её это уже даже не расстроило.

Храм был совсем небольшой, старый, из потемневших от времени брёвен. Людей было совсем немного, знакомых никого. Аглаида Афанасьевна в своём светлом и пышном платье, в большой шляпе с воздушными перьями и маленьким букетиком живых цветов смотрелась экзотической бабочкой среди строгой молитвенной сосредоточенности простых людей. Ей стало неловко и даже стыдно, что она так разоделась, но как только она встала пред огромной иконой Богородицы, то забыла про всё смущение и неловкость. Она стояла недвижимо и внимательно смотрела на бесконечно прекрасный лик Пречистой Девы. В сердце её не поднималось ни единого молитвенного слова, но вся душа её скорбящая и волнуемая воочию предстояла перед Божией Матерью в трепете.

Служба уже закончилась, но Аглаида Афанасьевна, не заметив этого, продолжала стоять на том же месте. Старенький священник в залатанной рясе подошёл к ней, постоял немного рядом, потом негромко сказал:

– Мне надо закрывать храм.

– Отец Иоаким, – Аглаида Афанасьевна повернула к нему залитое слезами, но очень вдохновенное лицо, – простите, я сейчас уйду.

– Аглаида Афанасьевна, завтра жду Вас вновь утром. Приходите на службу всенепременно. Вы давно у нас не были. Как супруг и дети? Все здоровы?

– Да, конечно, здоровы. Приду, обязательно приду, – договорила Аглаида Афанасьевна, ещё глубоко вздыхая, но всё больше и больше успокаиваясь от спокойных речей отца Иоакима.

За порогом храма она свободно вздохнула и направилась к своей изящной коляске, запряженной парой лошадей.

– Вот так встреча, Аглаида Афанасьевна! И Вы тоже на службе были? – раздался вдруг знакомый голос.

IX

Аглаида Афанасьевна, резко поворотившись и буквально остолбенев, стояла и смотрела на приближающегося к ней улыбающегося Исполатова. Это было страшно, страшно ощущать, как только что установившийся молитвенный настрой, высокая душевная созерцательность, готовность к покаянию, начинающая освобождаться совесть и совсем зыбкое спокойствие вдруг смывается словно бурной стеной дождя от одного лишь пронзительно-долгого взгляда Исполатова. Она опомнилась, когда поняла, что он стоит совсем близко от неё.

– Аглаида Афанасьевна, я безмерно рад Вас видеть. Сейчас только осознал, насколько я соскучился.

– Вы как будто преследуете меня, – иронично ответила Аглаида Афанасьевна, отступая от него и собрав остатки самообладания.

Павел Андреевич пристально посмотрел на неё. В глубине его тёмно-серых глаз пряталась плохо скрываемая нежность. Он слегка прищурил глаза, и всё пропало внезапно. Лицо его стало вновь серьезным, непроницаемым и даже как будто совершенно равнодушным. Лишь мелко пульсирующая на виске голубоватая жилка выдавала его волнение.

– Я давно не видел отца Иоакима, мне нужен был его духовный совет.

Аглаида Афанасьевна устало коснулась рукой лба.

– Да, простите. Как продвигается пересмотр дела Франтова?

– С Франтовым всё с одной стороны совершенно очевидно. С другой – мне нужно добыть некоторые конкретные документы. Я надеюсь в ближайшее время завершить работу.

– Как он сам?

– Константин опять поверил мне, я рассчитываю не обмануть его доверия. Мне удалось добиться того, чтобы не поднимали дело о драке в Вашем саду. Константин нашёл уроки и зарабатывает на жизнь честным трудом. У него была невеста. После осуждения она писала ему какое-то время, а потом перестала. Константин уверен, что она забыла его и вышла замуж, и сам не хочет напоминать о себе. Я же хочу разыскать её и удостовериться в том, что это действительно так.

– А если это действительно так, зачем Вы будете её беспокоить и напоминать о том, что давно уже ей не нужно и принесло много боли?

– Она должна знать, что Константин честный человек, – коротко сказал Исполатов.

Они замолчали оба. В мягком, дрожащем от тепла воздухе разливался искусный и нежный пересвист птиц, напоминающий быстрые скрипичные соло. Ощущение птичьего музыкального выступления было именно инструментальное, целая партия струнных виртуозно перебрасывалась мелодиями. Какая-то маленькая птичка задумчиво отвечала им звоном серебристого треугольника. Вслед за нею вступила длинная серия задорных перещелкиваний как будто птичьих кастаньет.

Аглаида Афанасьевна, не прощаясь, подошла к своей коляске. Мальчик извозчик слез с козел и внимательно рассматривал переднюю ногу одного из коней. Тот вскидывал голову, с его искажённой страданиями морды капала пена. Второй конь также заметно нервничал.

– Барыня, мы не сможем никуда уехать, – ломающимся баском заявил юноша. Кони поранили ноги об изгородь. Они нервничают и могут понести.

– Что же мне делать? Уже так поздно, – сразу волнуясь, начала быстро говорить Аглаида Афанасьевна.

Исполатов был уже рядом.

– Прошу, воспользуйтесь моей каретой, буду рад оказать Вам хоть малейшую любезность.

Аглаида Афанасьевна, оглянувшись на новую щегольскую карету, отрицательно покачала головой.

– Это неправильно.

– Хорошо, Ваня отвезёт Вас и вернётся за мной.

– А это уже совсем странно. Мы ведь совсем рядом живём. Более часа в одну сторону, а потом ещё возвращаться обратно. Вы так к ночи домой будете.

Исполатов молча и неопределенно пожал плечами.

Аглаида Афанасьевна почувствовала вдруг пьянящий привкус безрассудства.

– Давайте поедem вместе. Время позднее, нам давно пора уже быть дома.

В дороге оба молчали, напряжённо глядя в разные окошки, но Аглаида Афанасьевна поймала себя на том, что согласна ехать так ещё целую вечность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.